

Книжная полка

ТЕХНО-ЯКОБИНЦЫ НА ПОДХВАТЕ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

В советской политике и философии 1960-1980-х гг. господствовал лозунг научно-технической революции (НТР). Согласно официальным советским представлениям, НТР обостряет противоречия капитализма, но органически сочетается с преимуществами социалистической системы хозяйства, является основным путем и средством создания материально-технической базы коммунизма¹. Однако существовали и другие точки зрения. Например, М.К.Петров (лекции которого мне посчастливилось слушать только полтора года) развивал иную концепцию: в XX веке сложился феномен научно-технической контрреволюции. Ее главным актором является государство и ученые, поскольку они его обслуживают². Отсюда вытекает исходный вопрос данной статьи: кем является советско-российское государство - революционером или контрреволюционером?

Часть вопроса я сформулировал более 30-ти лет назад. В 1977 году в Казани проходила Всесоюзная школа молодых ученых под эгидой ЦК ВЛКСМ, на которой лекции читали сотрудники Института философии Академии наук СССР. Я тогда подходил под рубрику «молодого ученого». Среди прочих тем школы была лекция на модную тогда тему НТР. Я прикинулся валенком и спросил лектора: если происходит научно-техническая революция, то кто же в ней является революционером? Профессор в ответ забормотал что-то невнятное – ведь идея об ученых как главных акторах НТР входила в состав ревизионизма, с которым тогда боролась идеологическая обслуга советского государства.

Изменилась ли ситуация сегодня? Что бормочут нынче? Историческим и фактическим материалом для ответа я взял труд Д.Холловэя – известного британского историка науки. На основе анализа истории создания советской атомной бомбы он обсуждает три проблемы XX в.: технологические инновации; общество физиков как область интеллектуальной автономии в советском обще-

¹ См.: Научно-техническая революция // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с.397-399

² См. об этом подробнее: Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992; Он же. Научно-техническая революция и философия // М.К.Петров. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996, с.20-62; Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: актуальность идей М.К.Петрова // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2007, № 2

стве; транснациональное сообщество физиков. А в заключении констатирует: советский ядерный проект нельзя рассматривать с точки зрения внутренней динамики, структуры и ценностей советского общества; советский режим принял вызов гонки ядерных вооружений; политика «догнать и перегнать» отражала укоренившееся в сознании советских людей представление об отставании от Запада и намерении преодолеть отставание; шпионаж сыграл ключевую роль в советском ядерном проекте³.

Именно пункт о научно-техническом шпионаже послужил толчком для моей *систематизации материала* книги Д.Холловэя. Я рассмотрю три темы: наука и жандармерия; контекст советской политики; специфика аппарата управления атомным проектом. А в заключение вернусь к проблеме: есть ли альтернативы концепции Д.Холловэя? Причем, меня интересует главным образом *концепция* книги. Исторический и фактический материал используется лишь в той мере, в которой он помогает ее вычлениить.

Наука и жандармерия

Тема шпионажа стара как мир. Ее современные певцы даже Д.И.Менделеева зачислили в шпионы. По их «компетентному мнению», создатель таблицы химических элементов воровал в Америке секреты производства бензина и бездымного пороха по заданию правительства Российской империи. Директор Дома-музея им.Д.И.Менделеева И.С.Дмитриев детально изучил вопрос и констатирует: «Видимо, воровство промышленных секретов, по мысли Несторов из Службы внешней разведки, может служить самым убедительным симптомом межгосударственного сближения (между США и Россией, - В.М.). Им виднее»⁴. Но чекистский шаблон не ограничивается рамками шпионского ведомства. Чтобы убедиться в этом, стоит прочесть книгу Д.Холловэя.

В.И.Вернадский в дневнике зафиксировал: «Удивительный анахронизм, который я раньше считал бы невозможным. Научно-практический интерес и жандармерия. Возможно ли это для будущего?»⁵. Вопрос по-прежнему актуален. Главный советский диверсант П.Судоплатов в 1990-е гг. выпустил серию книг. Среди прочего он сообщает: Н.Бор, Э.Ферми, Р.Оппенгеймер, Л.Сциллард *сознательно* передавали атомные секреты Советскому Союзу во время и после второй мировой войны. Британский историк пишет, что утверждения Судоплатова ложны. Но сам не приводит никаких доказательств в опроверже-

³ См.: Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия 1939-1956. Новосибирск, Наука, 1997, с.472-474. После введения он обсуждает следующие конкретные темы: институт Иоффе; ядерная предыстория; реакция на деление; принятие решения; начало; Хиросима; после Хиросимы; предпосылки послевоенной политики; атомная промышленность; атомная бомба; война и атомная бомба; война нервов; опасные игры; водородная бомба; Россия после Сталина; атом и мир; заключение.

⁴ Дмитриев И.С. Человек эпохи перемен. Очерки о Д.И.Менделееве и его времени. СПб, Химиздат, 2004, с.476

⁵ Холловэй Д. Указ.соч., с.55

ние. Наоборот, развивает концепцию, согласно которой СССР *воровал* атомные секреты не в США, а в Англии.

На основании каких же критериев проверить отношение между сознательной передачей секретов (их обладателями) и их воровством (агентами другого государства)? Дело ведь не только в истории атомного шпионажа. Общеизвестно, что внутренний и внешний шпионаж всегда связан с нарушением норм морали и права. Однако соответствующие институты существуют до сих пор, а *добровольные сотрудники спецслужб не перевелись* ни в одном государстве. Приведу лишь пару фактов.

Бывший начальник Донского областного охранного отделения, а затем начальник Варшавского отделения по охране общественной безопасности в 1905-1910-х гг. П.П.Заварзин сообщает: главный контингент сексотов в Российской империи поставляли *люди интеллектуальных профессий* (врачи, инженеры, общественные деятели, литераторы, журналисты, студенты). С национальной точки зрения сексоты преимущественно принадлежали к еврейской и великоросской нации⁶. В данном случае Заварзин писал о внутреннем шпионаже - секретных сотрудниках охраны, которые использовались для борьбы с революционным движением в России. Как известно, борьба закончилась поражением жандармерии. Но это не мешает установить общий тип секретного сотрудника охраны до 1917 года – им был еврейский или русский интеллектуал.

Теперь перенесемся в ближнее прошлое. Бывший руководитель внешней разведки КГБ СССР Л.Шебаршин сообщает: КГБ прикармливал два-три академика с международным именем уже не для борьбы с революционерами, а для шпионажа за советскими дипломатами: «Выгода была двойная: советский посол не знал, что доносит в Москву визитер, не мог вмешаться и, пожалуй, более важное – КГБ направит телеграммы на самые верхи. От МИДа этого можно не дожидаться»⁷. Кроме того, у внешней разведки есть агентурная сеть не только за рубежом, но и в политических, журналистских и научных кругах Советского Союза. «Это контакты, как правило, неоплачиваемые, но и не афишируемые. С нашими работниками делятся информацией те, кто давно привык к этому, и те, кто не может найти выход своим сомнениям в новой обстановке, кто нуждается в надежном понимающем собеседнике»⁸. Отсюда вытекает, что ученые не только выполняют деликатные поручения, но и нередко рассматривают сотрудников госбезопасности как духовников или попов.

Если использовать выражение В.Войновича, получается, что люди интеллектуальных профессий давно и успешно сотрудничают с Теми, Кому Надо. Правда, есть и список предательств советских чекистов после 1917 г. Всего до 2000 года предало страну 156 человек из числа самых доверенных людей режи-

⁶ См.: Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004, с.420

⁷ Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, с.287-288

⁸ Шебаршин Л. Указ.соч., с.312

ма⁹. Отсюда вытекает нетривиальная проблема: каковы типичные мотивы и обстоятельства измены, а также пропорция изменников в разных социальных группах, включая государственный аппарат? Для этого требуются особые историко-социологические исследования.

В частности, Ф.Бродель показал, что для властно-управленческого аппарата империй давно характерно *религиозное ренегатство*, поскольку империи дают возможность чиновникам делать церковную и политическую карьеру одновременно. Для имперских чиновников теряют смысл понятия «веры», «родины», «отечества». Развивается феномен «отрыва от корней». Феномен безработицы появляется первоначально среди чиновников. Чем больше государство вмешивается в социально-экономическую жизнь, тем больше безработица становится «нормой» экономических отношений¹⁰. Интересно было бы конкретизировать эти общие закономерности применительно к истории Российской империи и СССР.

Но меня здесь интересуют другие проблемы: какие следствия порождает связь науки с военно-репрессивными аппаратами государства? по каким морально-политическим и юридическим критериям оценивать связь уголовного воровства с государственным шпионажем вообще, а научно-техническим – в особенности? Д.Холловэй уклоняется от обсуждения данных проблем, но его книга дает материал и пищу для размышлений.

Прежде всего надо учитывать **предпосылки сотрудничества** науки и жан-дармерии: феномен групповщины в научном сообществе; секретность научных исследований; конфликт между разными группами ученых; отношение между низовыми инициативами ученых и проектами научного и политического руководства; отношение между промышленностью, наукой и философией. Указанные явления непосредственно связаны с научно-техническим шпионажем.

Начну с *групповщины*. Холловэй показывает, что атмосфера в Украинском физико-техническом институте (в Харькове) была омрачена личными склоками и политическими интригами. Накануне открытия деления ядра советские вожди разрушили один из важных физических институтов страны. В то же время С.Вавилов (брат генетика Н.Вавилова) хотел сделать свой институт головным в области ядерных исследований и разрушить ленинградскую школу ядерной физики. Не следует ли отсюда, что сами ученые помогали советским вождям в их работе? Какова связь между личной склокой в научном сообществе и политической интригой, которую инициируют посторонние люди для достижения своих целей? Автор не видит этих проблем.

⁹ См.: Полетика Д.П. Сколько стоит продать Родину. Предатели в отечественных спецслужбах. 1918-2000. СПб.-М., «Нева», 2005

¹⁰ Так, на протяжении 1453-1623 гг. из 48 великих визирей Турции только 5 были мусульманами по рождению. Остальные (1 черкес, 6 греков, 11 албанцев и сербов, 1 итальянец, 6 армяней, 6 грузинов, 10 неизвестного происхождения) были ренегатами, преимущественно православного происхождения. См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., Языки славянской культуры, 2003, с.473-501

Следующее явление – *секретность исследований и осторожность ученых*. Дело не в государственной тайне. В январе 1939 г. Л.Сциллард (в то время он жил в Нью-Йорке) предложил Ферми засекретить исследования по делению ядра. В середине 1940 г. редакторы основных американских научных журналов приняли решение добровольно ограничить публикации на эту тему. Советские физики в 1939-1941 гг. не ограничивали публикации. Это отражало общую установку союза Сталина с Гитлером. Договор СССР-Германия привел к тому, что западные физики прекратили обмен информацией с советскими коллегами по проблемам деления ядра.

Однако Д.Холловэй ничего не пишет о причинах и мотивах предложения Л.Сцилларда. Не приводит также никаких данных о контактах между НКВД (в котором к тому времени существовал научно-технический сектор) и разведкой Третьего Рейха в период между 23 августа 1939 года и 22 июня 1941 г. Общие публикации на эту тему есть, но документов я не встречал. Тем более о научно-техническом шпионаже между СССР и нацистской Германией. Это обедняет реконструкцию событий.

Историк Г.В.Вернадский в то время преподавал в Йельском университете. Он послал отцу (В.И.Вернадскому) статью Лоуренса «Наука открыла громадный источник атомной энергии», которая была опубликована в «New York Times» 5 мая 1940 г. 12 июля того же года В.И.Вернадский и В.Г.Хлопин написали письма в Отделение геологических и географических наук АН СССР, а также зам. пред. Совнаркома Н.А.Булганину, в которых обращали на это внимание. То была первая попытка ученых *предупредить* советское правительство.

Но Иоффе и Курчатов находились в конфликте с Вернадским и Хлопиным. Иоффе вслед за Резерфордом утверждал: атомная энергия может быть использована только в отдаленном будущем. Как видим, расхождение во взглядах кардинальное. И никаких критериев для определения правоты того или иного взгляда в тот момент не существовало. Но проблема остается - Хлопин снял предложение правительству дать деньги на строительство уранового реактора. Взамен была создана Урановая комиссия¹¹. Почти все советские ученые предпочли осторожную линию поведения. Как же провести *различие* между обычной человеческой трусостью и ученой осторожностью? Д.Холловэй эту тему тоже не обсуждает, хотя концепции для изучения политических аспектов страха в СССР и США уже появились¹².

Между тем работа комиссии затруднялась рутинной и невежеством советских бюрократов и конфликтом между группой Вернадского и физиками. Вернадский отдавал приоритет разведке урана, а не теории ядра, физики – наоборот. Автор считает, что это соперничество не содержало идеологической и политической подоплеки: «Эти люди были преданы науке, чтобы прибегать к та-

¹¹ С началом войны Урановая комиссия прекратила работу. Вернадский с группой академиков был эвакуирован в Боровое. 10 июля 1941 г. был образован новый орган для привлечения ученых к решению вопросов обороны. Уполномоченным ГКО по науке был назначен С.Кафтанов – глава Комитета по делам высшей школы.

¹² См.: Кори Робин. Страх. История политической идеи. М., Территория будущего-Прогресс традиция, 2007

ким методам. Они не переступали границы той области, где использовался опасный язык сталинской политики»¹³. Однако британский историк науки не приводит никаких критериев для строгого различия науки, идеологии и политики вообще, а в советских условиях – в особенности. Такие критерии были и останутся дискуссионными. Значит, когнитивная конкуренция между группами ученых (различия концепций) ставит под вопрос сциентистскую парадигму отношения между наукой и властью, из которой как раз исходит Д.Холловэй. Сама эта парадигма и является определенной идеологией, о которой ничего не пишет английский историк, принимая ее как данность.

Д.Холловэй приводит много фактов для обсуждения общей проблемы *отношения между низовыми инициативами и научной бюрократией*. Дело в том, что бывший ростовчанин Г.Н.Флеров с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. писал письма Курчатову и Сталину о возможности использования атомной энергии в военных целях. Одновременно он требовал суда над группой Хлопина-Иоффе - виновниками прекращения ядерных исследований и «...переводил обсуждение на мрачный язык сталинистской политики»¹⁴. Не свидетельствует ли сдержанное отношение автора книги к Г.Флерову о том, что Холловэй предпочитает академических и политических вождей низовым инициативам? Если нет, то не следует ли отсюда, что ростовчане (к их числу относится Флеров) отличаются склонностью к демагогии в виде мрачного политического языка ради победы над сторонниками конкурирующей концепции? Видимо, на вопрос должен ответить компетентный в теме ростовчанин (на худой конец москвич), а не англичанин... Среди опрошенных ростовчан я пока не нашел ответа. Хотя хорошо помню, что над физфаком Ростовского университета в конце 1960-х гг. висел лозунг из жести: «Физика - научно-техническая революция - коммунизм»... Потом его выкинули на задворки – партком принял решение об идеологической ошибочности лозунга. Однако выдвинули лозунг как раз ростовские физики...

Не менее важный сюжет – отношение между *промышленностью, наукой и философией*. ХУ11 съезд ВКП(б) в 1934 г. провозгласил, что к концу пятилетки Советский Союз превратится в «технически и экономически независимую страну и в техническом отношении самое передовое государство в Европе». Однако промышленность интересовалась только тем, что уже было сделано на Западе, игнорируя идеи и предложения советских ученых, если они не подтверждались иностранным опытом. До войны главный советский диалектик Деборин считал, что физические концепции (индетерминизм) в философском плане близки к фашизму. После войны Сталин развернул кампанию борьбы с «низкопоклонством перед Западом». В 1948-1950-е гг. были организованы конференции по биологии, психологии, астрономии, химии и этнографии. В результате усилилась роль философов как идеологических жандармов. В середине 1950-х гг. произошел сдвиг в соотношении между научной истиной и политическим авторите-

¹³ Холловэй Д. Указ.соч., с.102

¹⁴ Там же, с.113-114. Неясно, дошло ли письмо до Сталина, поскольку не состоялось заседания, которого требовал Флеров.

том. Воинствующие «философы» перестали играть роль «сторожевых псов» идеологии. Но партия не хотела терять положение высшего судьи.

Значит, советские *красные директора* вместе с *красными профессорами* тормозили научно-техническую мысль страны. Но мне еще не попадались сведения о числе красных профессоров в естественных науках.

В контексте указанных фактов и явлений Д.Холловэй обсуждает тему научно-технического *шпионажа*. В октябре 1941 г. Рузвельт написал письмо Черчиллю с предложением вместе осуществлять английский и американский атомные проекты. Но британское правительство осознавало свое лидерство и пожелало ограничиться неформальным сотрудничеством. В июне 1942 г. Рузвельт утвердил проект Манхеттен¹⁵.

В 1941 г. британские ученые продвинулись дальше других в понимании реальности атомной бомбы, а Советское правительство начало получать шпионскую информацию. 25 сентября 1941 г. резидент НКВД в Лондоне передал в Москву информацию о секретном совещании в комитете МОД. Однако между резидентами НКВД и ГРУ существовало соперничество. Поэтому резидент ГРУ не передавал в Москву информацию советского шпиона Фукса. Но и переданная информация никак не повлияла на советскую политику.

Только в марте 1942 г. главный подручный отреагировал на информацию из Англии: Берия предложил Сталину создать научно-консультативный орган при ГКО для координации исследований всех советских ученых и учреждений по проблеме энергии урана и (при соблюдении секретности) ознакомить специалистов с материалами разведки. Одновременно Берия указывал, что делением ядра занимались Скобельцын, Капица и Слуцкий из УФТИ. Ни один из них этим не занимался. Причем, записка Берии была *составлена на месяц раньше*, чем письмо Флерова Сталину: «Доклад Комитета Мод не только заставил англичан принять решение о создании атомной бомбы и способствовал ускорению соответствующих американских работ, но и стимулировал мероприятия, которые послужили началом советского ядерного проекта»¹⁶.

Приведенные фрагменты позволяют ближе определить **позицию автора книги**: пионером разработки атомной бомбы является Англия; шпионская информация из Англии - главный источник принятия решений американцев и русских; письмо Флерова никак не повлияло на принятие решения; главный инициатор атомного проекта - Берия.

Но эти положения доказать трудно, поскольку сам автор пишет: на основе сохранившихся свидетельств невозможно восстановить последовательность событий между мартом 1942 г. и началом 1943 г. Взамен Д.Холловэй дает общую картину дискуссий, которые привели к возобновлению ядерных исследований в СССР. По его мнению, Сталин принял решение об этом в *конце 1942 г.*

¹⁵ В это же время Гейзенберг сообщил командованию Вермахта, что Германия не сможет сделать атомную бомбу во время войны.

¹⁶ Там же, с.121

В мае 1942 г. НКВД запросил АН СССР высказать мнение о реальной основе практического применения атомной бомбы и вероятности ведения работ по ее созданию в других странах. Хлопин дал осторожный ответ: единственное доказательство таких работ - секретность ядерных исследований за рубежом¹⁷. Другие ученые тоже осторожничали, когда с ними консультировались по поводу интереса к атомной бомбе в Германии¹⁸. Зато Кафтанов и Балезин (его помощник) послали письмо в ГКО, рекомендуя образовать ядерный исследовательский центр. В письме не упоминались отрицательные оценки ученых. На встрече со Сталиным (дату которой установить невозможно) Кафтанов защищал свое предложение. Принятие решения о создании первой советской атомной конторы *происходило в контексте двойного конфликта; между группами ученых; между Минвузом и Академией наук*¹⁹.

Позиция автора по этому вопросу такова: *инициатором советского ядерного проекта являются не ученые-физики* (тем более безвестные типа Флерова), *а сталинские чиновники, среди которых на первом месте находится главчехист Берия*. Д.Холловэй настаивает: шпионская информация из Англии – главный источник советских работ. Но на этой стадии создание советской атомной бомбы казалось нереальным из-за затрат времени и усилий. Поэтому советский ядерный проект преследовал две цели: определить возможность и степень опасности создания бомбы в Германии. Главными исполнителями такого задания по определению могли быть только разведчики.

И.В.Курчатов был назначен на пост руководителя научно-консультативного совета при ГКО в начале октября 1942 г. (автор не сообщает точной даты). На этом этапе ученых *не знакомили с материалами разведки*. Курчатов поддерживал предложение Флерова, но не знал, возможно ли проведение работ по урановой проблеме в условиях военного времени.

Автор полагает, что существует *связь* между кодовым названием контрнаступления под Сталинградом (*Уран*) и принятием решения о производстве работ: «Победа под Сталинградом, ее вклад в победу над нацистской Германией означали появление новой мировой державы – Советского Союза, тогда как реализация ядерного проекта должна была обеспечить Советскому Союзу ключевую позицию в послевоенном мире и один из самых мощных символов силы в нем»²⁰.

Этот фрагмент свидетельствует, что Д.Холловэй согласен со сталинской историографией советско-германской войны (в которой победа Красной армии под Сталинградом рассматривается как одно из решающих событий). Между тем существуют другие историографические концепции второй мировой вой-

¹⁷ Автор полагает, что Хлопину не показали материалов разведки об английском проекте.

¹⁸ Например, на южном берегу Таганрогской бухты советские солдаты нашли записную книгу немецкого офицера, которая содержала рабочие схемы ядерной бомбы, и была послана двум специалистам по взрывчатым веществам. Оба дали отрицательный ответ: нельзя швырять деньги на то, что даст результаты через 10-20 лет.

¹⁹ Об этом свидетельствует история переписки между группами Вернадского-Хлопина и Кафтанова-Иоффе.

²⁰ Там же, с.128

ны, в которых эта победа рассматривается лишь как один из множества фактов военной истории 1942 г. Но автор ничего не сообщает о данных концепциях, хотя вряд ли они ему были неизвестны. Одновременно он пишет, что в конце 1942 г. Сталин имел уже достаточно сведений об исследованиях в других странах и не считал советский атомный проект решающим для победы над Германией: «Одобренный им проект следует понимать как некую слабую гарантию от неопределенностей, которые могли возникнуть в будущем»²¹. Думаю, в данном случае историк науки поступает как советский диалектический материалист – т.е. как обычный софист!

Кто же может дать другую версию происходящих событий? Неужели историография советско-германского участка второй мировой войны клином сошла на сталинских схемах и их эпигонах из редакции «Военно-исторического журнала»? Между тем далеко не все историки согласны с этими схемами²². Все больше появляется работ, в которых детально описаны историческая, научно-техническая и политическая ложь и эпитонство властвующих клик в истории России и СССР, а также бесталанность российских и советских генералов, обусловивших все ее поражения²³. Видимо, эта литература может пролить дополнительный свет на степень достоверности книги Д.Холловэя.

В позиции автора наряду с *календарным синдромом существует модернизация событий*: последующую оценку роли Сталинградской битвы в мировой истории XX века (которая, кстати, дана Сталиным) Д.Холловэй выдает за силлогизм в исторической логике. Стремление увидеть историческую логику там, где все определял произвол государственных мужей, - типичный шаблон историографии типа «История есть политика, опрокинутая в прошлое». История науки от него тоже не свободна.

По мнению английского историка, Сталин не верил в силу ядерного проекта. Однако здесь позиция «корифея науки» не отличалась от позиции многих ученых – Резерфорда, Иоффе, Гейзенберга и др. Согласно Холловэю, «великий вождь» был провидцем и дураком одновременно. Провидцем – потому что в разгар войны уже думал о послевоенном устройстве мира, дураком – поскольку не учитывал шпионскую информацию. Значит, пока неясно, кто даст ответ о соотношении провидческого дара и глупости в деятельности Сталина.

По указанию В.М.Молотова в феврале 1943 г. Курчатова познакомили с материалами разведки. Лишь после этого он сочинил записку о возможности создания атомной бомбы: «Тон курчатовской записки, - комментирует этот факт Д.Холловэй, - много говорит об Игоре Васильевиче. Здесь отсутствует торжество по поводу того, что получена информация, которую правительства западных держав пытались сохранить в секрете, нет в ней и горечи по поводу того, что война ускорила исследования в Англии и Соединенных Штатах, но замедлила их в Советском Союзе. Курчатов не пытается преуменьшить достиже-

²¹ Там же, с.129

²² См.: Правда Виктора Суворова. М., «Яуза», 2007;

²³ См.: Красиков В.А. Победы, которых не было. СПб, Нева, 2004

ния английских и американских ученых или преувеличить роль своих коллег. Видна его взволнованность тем, что делается за границей, и восхищение качеством исследований. Памятные записки создают впечатление о человеке, который способен взяться за ключевые вопросы, не давая воли личным чувствам»²⁴. Иначе говоря, Холловэй одобряет задним числом назначение Курчатова руководителем атомного проекта. А рассматривались ли другие кандидатуры, если они были? Об этом автор ничего не пишет.

По крайней мере, научный руководитель атомного проекта *поумнел* после знакомства со шпионской информацией, тогда как «великий вождь» был и остался дураком... Удивляет, что специалист в сфере истории науки на протяжении всей книги ничего не говорит о *различии* между либеральным идеалом ученого (реализацию которого усматривает в И.И.Курчатове) и позицией научного чиновника, которую реально выполнял один из руководителей советского атомного проекта. В последующие годы Курчатов использовал разведывательную информацию, не ставя об этом в известность своих коллег (разумеется, тут он выполнял «подписку о неразглашении»). На этой основе выдвигал новые идеи, указывал перспективные направления исследований. Но другие организации плохо сотрудничали с Курчатовым: «Причиной было непризнание советским руководством решения урановой проблемы как дела первостепенной важности. Особенно Курчатов был раздосадован разрывом в развитии советского проекта и *проекта Манхеттен*. Он лучше, чем кто-либо другой понимал, насколько велик был этот разрыв в действительности»²⁵.

Таким образом, руководящий пост в атомном проекте занял *плагиатор-новатор*. Советская научная бюрократия заурядное эпигонство и плагиат превратила в дело «государственной важности».

Д.Холловэй на протяжении всей книги обсуждает ряд технических данных для аргументации своей точки зрения. Неспециалисту трудно проникнуть в политический смысл технической информации²⁶. Но цель этой процедуры ясна: автор *подгоняет Курчатова под идеал ученого*: отсутствие радости от получения тайной информации; отсутствие горечи от того, что другие страны опередили его родину; признание достижений коллег других стран; критическое отношение к работам коллег своей страны; отрицание личных чувств для решения ключевых вопросов. Однако историк науки не видит проблему: ученый вступает в контакт со шпионским ведомством без всякой рефлексии. Следовательно, автор *отождествляет* интеллектуальную автономию (в данном случае Курчатова) с политической верноподданностью. _

Для Д.Холловэя либеральный критерий успеха (в данном случае - советского атомного проекта) остается нерушимым. По его мнению, *сообщество советских физиков - образец научного сообщества*. Физика была сферой относи-

²⁴ Холловэй Д. Указ. соч., с.134

²⁵ Там же, с.144

²⁶ Для установления этого смысла вполне можно использовать идею Д.Норта об аномалиях в развитии техники, в данном случае – атомной.

тельной интеллектуальной автономии в советском государстве. Эта автономия поддерживалась комплексом общественных отношений (властью, социальным статусом, наградами) и отличалась от господствующих в СССР социальных отношений. Несмотря на все усилия партийных идеологов, в физике членство в партии и положение в партийной иерархии не имели веса. Утверждения о практическом значении решения тех или иных научных проблем в социалистическом строительстве были разновидностью риторики, рассчитанной на то, чтобы задобрить власти и обосновать просьбы о выделении средств²⁷.

Большинство советских ученых восхваляют моральный климат труда: «Это удивительный пример того, - пишет Д.Холловэй, - как аппарат репрессивного государства *уживался* (курсив мой, В.М.) с сообществом физиков в деле создания атомной бомбы. В 30-е годы физическое сообщество ... существовало в необычной атмосфере интеллектуальной автономии, которая поддерживалась рядом неформальных взаимоотношений. Эта автономия не была разрушена в результате возникновения ядерного проекта. Она продолжала существовать внутри административной системы, учрежденной для управления проектом... Дискуссии о моральной ответственности были бы ... очень опасным делом, а открытое противодействие проекту ... оказалось бы роковым»²⁸.

Здесь очередная нестыковка в позиции автора. С одной стороны, он полагает, что практическая реализации интеллектуальной автономии физиков создала советскую атомную промышленность. С другой стороны, атомный проект - это аналог сталинских строек (Беломорканала, Магнитогорска, Днепростроя), комбинация лучшего и худшего в советском обществе – энтузиазма ученых и инженеров, получивших образование при советской власти, и заключенных, живших в нечеловеческих условиях лагерей. До сих пор нет достоверных данных о стоимости проекта и числе вовлеченных в него людей²⁹.

Советское правительство приняло постановление добыть в 1943 г. 100 тонн урана. К августу 1945 г. был получен всего 1 килограмм. Я предлагаю разделить кило урана на число дней в 31 месяце (от января 1943 г. до июля 1945 г. включительно), чтобы получить синтез образца научного сообщества с *образцом политического решения проблемы*, который не заметил Д.Холловэй. В первые годы советского атомного проекта большую часть урана давала Восточная Европа. Чехословакия и советская зона оккупации Германии стали самым важным источником советского урана. Богатые залежи были открыты в Саксонии,

²⁷ Там же, с.72-73 Однако в самом сообществе физиков мера автономии была различной. Холловэй считает, что по мере усиления позиций ФИАН на физфаке МГУ усиливалось влияние физиков, которые предпочитали искать поддержку у политического руководства для разрешения научных и административных споров.

²⁸ Там же, с.272

²⁹ По докладу ЦРУ 1950 г. общее число занятых в проекте оценивалось в 330-460 тыс.чел. Большинство (255-361 тыс.) работало в горнодобывающей промышленности. Из них в СССР 255 тыс., в Восточной Европе 241 тыс., в строительстве 50-60 тыс., на производстве 20-30 тыс., а исследованиями занимались 5-8 тыс. Шахтеры и строители были заключенными. Там же, с.233

поменьше – в Болгарии и Польше. СССР начал также добычу в Синьцзяне, который в то время находился под контролем СССР³⁰.

После продвижения Красной армии в Центральную Европу СССР начал эксплуатировать урановые рудники Чехословакии. В марте 1945 г. Бенеш подписал с СССР секретное соглашение. Оно дало право добычи в Чехословакии урановой руды и транспортировки ее в СССР. Урановые шахты в Яхимове к тому времени были главным мировым источником урана. Затем СССР вывез оставшихся в Германии специалистов по производству элементов атомной бомбы (М.Арденне, Г.Герц, П.Тиссен, Н.Риль, М.Фольмер, Х.Барвих, М.Штеенбек и др.). Им предоставлялись дачи под Москвой, несмотря на то, что некоторые (П.Тиссен) были членами нацистской партии с 1920-гг. Но одновременно выступали за тесное сотрудничество Германии и России³¹. Важность восточно-европейского урана подтверждена в 1953 г. А.Завенягиным, который призвал к срочным мерам по расширению сырьевой базы внутри СССР, поскольку страны народной демократии начали сопротивляться советской колонизации.

Отсюда вытекает следующая проблема: кто же был более прав – Вернадский, давно настаивавший на разведке урана, или Курчатов, использующий шпионскую информацию для продвижения туземного атомного проекта? Однако Холловэй не только не обсуждает, но и не ставит эту проблему. Значит, он согласен с советской колонизацией стран Восточной и Центральной Европы. Между тем даже на основании российских публикаций нетрудно установить, что колонизация породила множество до сих пор не решенных международных и внутристрановых проблем в Восточной Европе³².

Д.Холловэй считает командно-административную систему *эффективной* (поскольку она смогла мобилизовать огромные ресурсы) при создании атомной бомбы, но *жестокой*, поскольку: 1. Широко использовался труд заключенных. В советской зоне оккупации Восточной Европы условия труда на урановых рудниках были ужасны. 2. В погоне за бомбой жизнь и здоровье людей не стоили и гроша. Установленные санитарные нормы допустимой ежедневной дозы радиации превышали стандарты. Особенно опасными были радиохимические работы, в которых процент женщин был выше, чем на других участках. 3. Система нанесла длительный экологический ущерб стране. По всем указанным причинам мемуаров обитателей ядерного ГУЛАГА до сих пор нет. Здесь советская власть действительно спрятала концы в воду...

К тому же Сталин и Берия приняли *дорогостоящую* стратегию нескольких альтернативных путей к бомбе: использование плутония и урана-235, графитового и тяжеловодородного реакторов, газодиффузного и электромагнитного

³⁰ По оценкам ЦРУ, в 1950 г. 45% советского урана получено из Восточной Германии, 33% из СССР, 15% из Чехословакии, 4% из Болгарии и 3% из Польши. Причем, оценки по СССР менее надежны, чем по Восточной Германии и Чехословакии. Там же, с.238

³¹ По оценке разведки США СССР получил в Германии и Чехословакии 230-240 тонн окиси урана. США в апреле 1945 г. вывезли 1200 тонн урановой руды из соляной шахты в окрестностях Штрассфурта, который должен был попасть в советскую зону оккупации. Там же, с.155

³² См.: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., РОССПЭН, 1995

разделения изотопов: «Принципу *избыточности* (курсив мой, В.М.), который критиковал Капица, следовали почти во всех частях проекта»³³.

Если верить Д.Холловэю, система была эффективной, хотя жестокой, дорогостоящей и избыточной. После всех этих констатаций он пишет: «Советский Союз – не единственная страна, в которой атомная индустрия нанесла ущерб здоровью людей и окружающей среде. Но в условиях интенсивного нажима ради скорейшего достижения цели – создания бомбы – не было времени обращать внимание на риск, а протесты пострадавших в сталинской системе были невозможны»³⁴.

Итак, для автора критерий *достижения цели любой ценой* является главным (в конце статьи я специально рассмотрю эту проблему). Здесь только отмечу, что *либеральный историк сознательно оправдывает самую жестокую политическую систему XX века*.

Я тоже подпою англичанину. О.Хархордин показал принципиальное сходство православного и большевистского способа поведения³⁵. Эту идею можно углубить. В центре Сарова находились остатки православного монастыря, расцвет которого приходился на ХУШ-ХІХ вв. Здесь прожил около 50 лет (до своей смерти в 1833 г.) причисленный к лику святых Серафим Саровский, известный аскетизмом и благодеяниями. Коммунисты закрыли Саровский монастырь в 1927 г., в котором жило 300 монахов. В их кельях оборудовали первые лаборатории по производству атомной бомбы. Зеки из местного ИТП построили новые лабораторные корпуса и жилые дома. Так был создан Арзамас-16. В отличие от обитателей «Архипелага ГУЛАГа» ученые и инженеры получили привилегированные условия жизни. В 1953 г. Л.Каганович назвал атомные города «курортами». А.Сахаров начал работу над водородной бомбой в 1948 г. и переехал в Арзамас-16 в 1950 г. Он сказал: «Мы (а я должен говорить здесь не только от своего имени, потому что в подобных случаях моральные принципы вырабатываются как бы коллективно-психологически) считали, что наша работа абсолютно необходима как способ достижения равновесия в мире»³⁶.

Главный конструктор первого промышленного реактора Доллежалъ считал бомбардировку Хиросимы «отвратительным актом циничного антигуманизма». Одновременно морально оправдывал работу над созданием бомбы и право СССР создать и использовать такое же оружие по двум причинам: создание оружия не тождественно его использованию против мирных городов, поскольку цели будет выбирать военное и промышленное руководство; обладание атомной бомбой не обязательно означает ее использование.

Как хорошо известно, европейская опытная наука была продуктом деятельности монахов. Из приведенных фактов вытекает, что советский атомный

³³ Холловэй Д. Указ. соч., с.257

³⁴ Там же, с.260

³⁵ См.: Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб-М., 2002

³⁶ Там же, с.271

проект может рассматриваться как *символ единства* православия, советского государства с его репрессивным режимом, привилегий производителей оружия и морально-политической софистики, оправдывающей это единство. Советская власть в процессе реализации атомного проекта оказалась предвестником нынешнего союза православия и российского государства. Однако титулованный историк науки ничего об этом не пишет.

Он говорит и вещает, что Сталин сохранил физику, поскольку она была нужна для усиления режима: «То, что уберегла бомба, было маленьким островом интеллектуальной автономии в обществе, где государство претендовало на контроль за всей интеллектуальной жизнью. Кроме того, физическое сообщество видело себя в каком-то ... смысле частью более крупного международного сообщества и ... было ближе к Западу в культурном плане, чем остальная часть советского общества. Таким образом, атомная бомба, наиболее могущественный потенциальный символ враждебности между Советским Союзом и Западом, спасла ту часть общества, которая являлась самым важным культурным и интеллектуальным звеном между Западом и Советским Союзом»³⁷.

По мнению Холловэя, сознание принадлежности к широкому сообществу осталось нерушимым среди советских физиков. Ядерный проект защитил ее, и это имело большое социальное и политическое значение. Под сталинским управлением научное сообщество пользовалось большой автономией: «Физическое сообщество являлось островком интеллектуальной автономии в тоталитарном государстве. Научное сообщество – и особенно физическое сообщество – было, несмотря на свои недостатки, близко к понятию гражданского общества при сталинском режиме. Ученого, по крайней мере ученого масштаба Френкеля, Капицы, Тамма, Вернадского и позднее Сахарова, более чем кого-либо в советском обществе можно было бы назвать гражданином. Ученый-гражданин был фигурой первостепенной значимости для общества в целом. Обеспечив защиту советской физике, бомба сделала большее: она помогла защитить небольшую часть подлинно гражданского общества в государстве, установившим тоталитарный контроль над всей общественной жизнью»³⁸. Вслед за Вернадским физики считали науку элементом культуры, рационализирующей и демократизирующей силой общества. А Сахаров вообще рассматривал науку как модель для политики.

Короче говоря, для автора Сталин и бомба выступают *спасителями интеллектуальной свободы и связей между Западом и СССР*. Под пером английского историка советский деспот стал новым Иисусом Христом и гарантом отношений между полушариями! Хорошо, что не между галактиками... Эти тезисы можно проверить только на основании ретроспективного конкретно-социологического опроса советских физиков. Кто бы за это взялся?..

³⁷ Там же, с.282-283

³⁸ Там же, с.470-471

Но были и другие лидеры. 8 декабря 1953 г. Эйзенхауэр в ООН говорил о «вероятности разрушения цивилизации». Маленков три месяца спустя повторил ту же терминологию. Вслед за ними идет автор. В главе «Атом и мир» он сообщает: в 1954 г. один из руководителей министерства говорил научному руководителю атомной электростанции Д.Блохинцеву о ее бесполезности. Однако главной целью работы атомных реакторов было производство плутония, а не электроэнергии. 1 апреля 1954 г. Малышев, Курчатов, Алиханов, Кикоин, Виноградов послали Хрущеву проект статьи, в которой утверждали: «Развитие промышленного использования атомной энергии само по себе не только не исключает, но прямо ведет к увеличению военного атомного потенциала»³⁹. Итак, руководители советской атомной промышленности (почти сразу после расстрела Берия и его клики) совершенно определенно способствовали гонке вооружений. После Женевской конференции (июль 1955 г.) состоялось совещание о мерах безопасности. СССР не сделал никаких предложений и совещание закончилось безрезультатно.

Таков один из множества мостов между атомным проектом и советской политикой.

Контекст советской политики

По мнению Д.Холловэя, советскую политику (в отличие от американской и английской) невозможно анализировать как взаимодействие людей, учреждений, обстоятельств. Она - продукт советской системы, марксистско-ленинской идеологии и выражение интересов вождей. Следовательно, нет смысла трактовать гонку вооружений как соревнование двух идентичных государств. Советская политика ядерных вооружений должна быть изучена в международном и внутреннем контекстах⁴⁰. С этим вряд ли поспоришь. Но реконструкция данной политики – совсем иное дело...

Из множества фактов упомяну лишь те, которые позволяют уточнить концепцию Д.Холловэя. В годы войны Вернадский и Капица выступали за тесные контакты с американскими учеными. На приеме в Кремле после войны в присутствии Сталина Молотов обещал «тесные связи советской науки с мировой наукой». По мнению Д.Холловэя, это обещание отражает некоторый прогресс в работах по советскому проекту за годы войны. Действительно, Берия и Молотов были хорошо информированы о «проекте Манхеттен», но не проявили никакого интереса к расширению советских работ. Д.Холловэй объясняет этот факт следующим образом: Берия не верил сообщениям разведки, считал их дезинформацией, полагая, что противник пытается втянуть СССР в громадные затраты на бесперспективные работы.

³⁹ Там же, с.454

⁴⁰ Там же, с.12, 14

Эти подозрения переплелись с недоверием членов сталинской клики к ученым. Ее члены не могли убедиться в том, что Курчатов их не обманывает. Они ничего не понимали в ядерной науке и технике, а другие ученые утверждали: бомба не может быть сделана еще в течение длительного времени. Ситуация в германской науке усилила скептицизм. Летом 1945 г. советские руководители «...не считали атомную бомбу реальностью и не могли себе представить, какое влияние она окажет на мировую политику»⁴¹.

30 сентября 1944 г. В.Буш и Д.Конант разработали меморандум, предлагая создать международный орган, который должен иметь свободный доступ в научные лаборатории и военные организации всех стран для предотвращения гонки ядерных вооружений. СССР на это не пошел. Только после Хиросимы Сталин понял роль бомбы: «Бомба все равно влияла бы на баланс сил и все равно была бы символом экономической и технологической мощи государства. Сталин все равно хотел бы иметь собственную атомную бомбу»⁴².

Таким образом, автор *дезавуирует* идею американцев о создании международного контрольного органа и косвенно оправдывает поведение Сталина. Этот вывод противоречит ранее цитированному положению о том, что Сталин уже в период Сталинградской битвы думал о послевоенном устройстве мира. Однако историк науки пренебрегает элементарной логикой, предпочитая ей «историческую и диалектическую»...

20 августа 1945 г. ГКО постановил создать под началом Берия Спецкомитет для руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана. Затем учреждено Первое Главное Управление для руководства атомным проектом под руководством Ванникова, Курчатов назначен научным руководителем. План на 1946-1950-е гг. концентрировал все силы на направлениях, от которых зависел оборонный потенциал СССР. По воле вождей пионерные исследования советских ученых сокращены⁴³. Приоритет принадлежал тяжелой промышленности для подготовки к новой войне.

На этом фоне автор описывает *предпосылки советской послевоенной политики*. По его мнению, в последние годы 2-й мировой войны Сталин делал выбор между тремя направлениями послевоенной политики:

1. Подрывная политика путем поддержки компартий в Западной Европе и Азии в их стремлении захватить власть и помощи им военной силой. Эта политика импонировала ревнителям социалистической революции. Но Сталин не пошел по этому пути, поскольку в Европе и Азии не было выдающейся лично-

⁴¹ Там же, с.160. По воспоминаниям Трумена после того, как он сообщил Сталину о наличии у Штатов «нового оружия необычайной разрушительной силы», Сталин ответил, что рад слышать об этом и надеется что оно будет успешно применено против японцев. Трумен и Черчилль были убеждены: Сталин не понял, что имелась в виду атомная бомба.

⁴² Там же, с.183

⁴³ Об этом свидетельствует история разработки ракетного оружия. Интерес к нему оживился только в 1944 г., когда Германия начала бомбардировать Лондон Фау-1 и Фау-2: «Идеи советских ученых и инженеров не получали должной поддержки до тех пор, пока они не подтвердились западным опытом». Там же, с.201

сти, отстаивающей эту идею. Поощрять революцию - значило идти на развязывание войны с западными союзниками.

2. Продолжение политики сотрудничества с Западом, сторонником которой был Литвинов. Но Сталин не пошел на сотрудничество с США, поскольку это повлекло бы уступки в Германии и Восточной Европе. Внешняя политика сотрудничества с США вступила бы в противоречие с внутренней политикой усиления контроля над советским обществом. Международная напряженность шла в ногу с послевоенными репрессиями внутри страны.

3. Рассмотрение государств (а не классов) как главных действующих лиц международных отношений. При этом интересы советского государства ставились выше интересов мировой революции. Сталин выбрал этот путь. В результате произошло окончательное возрождение традиционной имперской политики России⁴⁴.

Откуда же автор знает о том, что творилось в черепной коробке Сталина? По косвенным свидетельствам. Для советских вождей, - пишет он, - концепция мощи и безопасности носила территориальный характер. Молотов много лет спустя говорил: «Как министр иностранных дел я считал своей задачей расширять как можно больше границы нашего отечества»⁴⁵. Но ведь такая задача принципиально ничего не меняла в традиционной советской политике. М.Геллер и А.Некрич показали, что внешняя политика СССР с самого начала его существования базировалась на двух китах: явном (через Наркомат иностранных дел) и тайном (через Коминтерн и разведку). Уже в середине 1920-х гг. сформировались три главных принципа внешней политики советского государства:

1. Оно есть оплот мировой революции, и потому его укрепление равнозначно укреплению революционного движения во всем мире. А поскольку интересы СССР считались ведущими, постольку во имя этих интересов можно жертвовать революциями и партиями в других странах.

2. Конфликт между социализмом и капитализмом в мировом масштабе неизбежен, поэтому международное коммунистическое и рабочее движение есть резервная армия нового государства.

3. Капиталистические страны враждебны СССР, поэтому в их отношении надо проводить такую политику, которая сочетает шпионаж и подрывную деятельность с поддержанием нормальных дипломатических и торговых контактов⁴⁶.

Нетрудно понять: если бы удалось полностью осуществить эти принципы – СССР господствовал бы над всем миром. Есть и более интересные сюжеты.

Обращаю внимание, что трактовка сталинской политики как окончательного возрождения традиционной имперской политики России полностью совпадает с концепцией Э.Генри. Но прежний ростовчанин и одновременно – старый

⁴⁴ Там же, с.225-228

⁴⁵ Там же, с.207

⁴⁶ См.: Геллер М., Некрич А., История России 1917—1995. Т. 1. Утопия у власти 1917—1945. М., «МИК», «Агар», 1996, гл.3-4

Коминтерновский волк - был последовательнее англичанина, считая все направления сталинской внешней политики полным провалом⁴⁷. Предлагаю читателю поразмыслить: есть ли принципиальное отличие между традиционными принципами советской внешней политики (сложившимися в 1920-е гг.) и предпосылками советской послевоенной политики в версии Д.Холловэя? каковы причины совпадения позиций заслуженного чекиста Э.Генри и английского историка науки? какова степень исторической, политической и логической правоты того и другого.

Вернусь к исторической пыли. Трумен в 1945 г. предложил образовать комиссию при ООН по изучению возможностей ликвидации атомного оружия и использования атомной энергии в мирных целях. Февраль-март 1946 г. - поворотный пункт в американской политике в отношении СССР. Ухудшение отношений вызвала не атомная бомба: «Атомная дипломатия – надежда с одной стороны, страх, что бомба окажется мощным политическим инструментом, с другой – определила неудачу лондонской конференции и резкое ухудшение советско-американских отношений»⁴⁸.

Н.Бор поставил вопрос: чем была бомба для политических лидеров: инструментом государственной политики или источником общей опасности, сближающей государства? Вопреки Бору, Трумен и Сталин не считали бомбу источником опасности для человечества. Сталин полагал: роль ученых - обеспечение нужд страны, а не изложение взглядов на международную политику и возрастающую роль технологии.

В конечном счете, по мнению Д.Холловэя, атомная бомба не повлияла на выбор линии послевоенной внешней политики. Сталин сделал окончательный выбор в пользу реалистического (в смысле Бисмарка), а не революционного или либерального курса до конца войны - прежде, чем атомная бомба вошла в его стратегические расчеты.

Теперь и в советской политике возникли *противоречия*. Сталин поддерживал взгляды Лысенко о различии между социалистической и капиталистической наукой. Развязал кампанию против низкопоклонства перед Западом и унижения советской науки и техники. Но именно руководство партии и государства рассматривало западную технику как образец, не доверяло советским ученым и инженерам, культивируя эпигонство и плагиат. Советские физики создавали плутониевую бомбу на основе американской конструкции. СССР скрывал от народа факты копирования иностранной техники (атомной бомбы, ракеты Фау-2, бомбардировщика Б-29)⁴⁹.

Сталинский режим придавал большое значение военной технике, но не признавал авторитета и автономии технической экспертизы. Логика режима

⁴⁷ См.: Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (Записка). Прометей. М., Русский раритет, 2007

⁴⁸ Холловэй Д. Указ.соч., с.217

⁴⁹ В 1944 г. 4 бомбардировщика Б-29 совершили вынужденную посадку на Дальнем Востоке и в Сибири. Вместо возврата по принадлежности Сталин приказал их разобрать и изучить советским конструкторам. В 1946 г. он решил создать копию Б-29. Туполеву приказано сделать корпус, Шевцову - мотор. Там же, с.311

была политической, а не технократической: «Он присвоил себе право определять, что есть научная истина, и уничтожал целые области знания во имя идеологической ортодоксии»⁵⁰. Однако технократический способ решения политических проблем ничуть не лучше идеологической ортодоксии, как показано в современном коммунитаризме, поскольку технократия есть определенная идеология, маскирующаяся критериями пользы и рациональности⁵¹.

По мнению Д.Холловэя, после второй мировой войны наметилось *сходство* советской и американской концепций будущей войны⁵². Советская разведка двигалась в этом русле. Сразу после войны цель создания межконтинентальных ракет была недостижимой. Большинство конструкторов (Туполев, Королев, Мясищев) оружия были осторожными людьми, боялись и не желали разрабатывать системы, в возможность создания которых не верили. Поэтому использовались немецкие ученые и конструкторы. В 1947 г. заложены основы ракетной программы: исследовательская и производственная база была создана с помощью трофейного немецкого оборудования; в советской армии были сформированы первые соединения ракетных войск; выработан план развития ракетостроения.

Однако автор не приводит никаких доказательств в подтверждение своей версии послевоенной политики, кроме приписывания Сталину либеральной идеологемы выбора. По мнению Холловэя, атомная бомба не повлияла на сталинскую концепцию послевоенного мира. Но была фактором, который следовало принимать во внимание в военной стратегии и внешней политике. При организации Коминформа Сталин поставил предел независимости компартий, стремящихся идти своим путем к социализму, которую он был вынужден терпеть в первые годы после войны. Между 1946-1953 гг. Сталин мало говорил о бомбе, а сказанное предназначалось для создания определенного впечатления. Поэтому его заявления должны интерпретироваться в контексте советской внешней политики.

Первая советская бомба была испытана 29 августа 1949 г. Мир узнал об этом три недели спустя от США - 23 сентября Трумен объявил: у США есть доказательство атомного взрыва в СССР в течение последних недель. Два дня спустя ТАСС опубликовало заявление, подготовленное без участия ученых-атомщиков, которые сочли его ужасным⁵³. По мнению Холловэя, ложь штампо-

⁵⁰ Там же, с.282

⁵¹ См.: Макаренко В.П. Технократические мамлюки: социополитические аспекты концепции А.Макинтайра. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 2000

⁵² В июне 1952 г. Сталин сказал итальянскому социалисту П.Ненни: «Для Америки недостаточно разрушить Москву, также как для нас недостаточно разрушить Нью-Йорк». Там же, с.320

⁵³ В заявлении говорилось: «В Советском Союзе, как известно, ведется строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза. Что же касается производства атомной бомбы, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В.М.Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно не существует». Там же, с.349

валась по причине *двойного страха* сталинской клики перед обладателями атомной бомбы: США удвоят свои усилия для сохранения лидерства в гонке вооружений; советское испытание побудит США проводить более агрессивную политику до того, как СССР разовьет эффективное производство атомных бомб.

Официальные речи советских владык выражали этот страх. В ноябре 1949 г. Маленков и Сулов выразили два советских подхода к международной обстановке и международным отношениям. Оба утверждали, что баланс сил смещается в сторону СССР. Но Маленков видел в этом благоприятный, а Сулов - опасный фактор. По мнению британского историка, сталинская политика в отношении бомбы определялась двумя принципами:

1. Принцип «войны нервов» базировался на допущении: США используют бомбу для запугивания СССР и получения от него уступок ради внедрения своей концепции послевоенного устройства мира. В итоге сталинской «войны нервов» возросло убеждение западных держав в том, что они должны защищаться с помощью НАТО, поскольку СССР является агрессивным экспансионистским государством. Но этот эффект не был следствием ошибочности политики советского руководства (на взгляд Холловэя), поскольку она вытекала из существа его взглядов на природу отношений с Западом.

2. Принцип «допустимых мер» тормозил «войну нервов». Сталин не желал войны с Западом и не считал, что СССР к ней готов. Если бы СССР вел соглашательскую политику в отношении Запада, он показался бы слабым, что могло спровоцировать давление и агрессивность Запада. В «войне нервов» нельзя было заходить слишком далеко из опасения спровоцировать настоящую войну. Чувство меры проявилось в Берлинском кризисе 1948 г.

Из первого принципа следовало, что рост могущества СССР ослабит напряженность в мире; из тезиса о враждебности - возрастание советской мощи вызовет проведение капиталистическими странами более агрессивной политики. По этому поводу автор пишет: «Конечно, лучше было испытать бомбу, чем не иметь ее. Но после испытания чувство неуверенности не исчезло. Секретность, окружавшая атомное испытание, и вводящие в заблуждение заявления ... свидетельствуют в пользу того, что Сталин не верил в силу обороны Советского Союза после испытаний»⁵⁴.

В целом атомная бомба имела двойной эффект: заставила СССР быть сдержаннее при использовании силы из страха перед развязыванием войны; сделала СССР менее склонным к сотрудничеству и компромиссу из страха показаться слабым⁵⁵.

⁵⁴ Там же, с.354-355

⁵⁵ В середине 50-х гг. Хрущев поощрял ядерные амбиции Китая. 15 января 1954 г. Мао решил создать атомную бомбу. 17 января Совмин СССР решил помочь Китаю и другим социалистическим странам в развитии ядерных исследований в мирных целях. 27 апреля 1955 г. подписано соглашение о совместной разработке урана в Китае. Китай согласился продавать СССР излишки урана, а СССР должен поставить Китаю ядерный реактор, циклотрон и необходимое количество делящихся материалов. Там же, с.460

Короче говоря, автор толкует послевоенную историю с точки зрения концепции устрашения, которая как раз лежала в основе военно-политической доктрины США того времени. Одновременно он косвенно оправдывает Сталина и производителей бомбы. Возникает вопрос: нельзя ли рассматривать всю историю создания советской атомной бомбы как воплощение политической шизофрении, необходимым элементом которой является страх в его советской и американской версиях? Ведь речь идет о громадных расходах материальных и человеческих ресурсов. Между тем СССР распался, бомбы и ракеты его не спасли, ответственности за это никто до сих пор не понес. Даже проблема такой ответственности толком не осознана. Не исключено, что концепция непредвиденных последствий (разработанная А.Хиршманом, Д.Нортом и др.) идеологий, институтов и любых решений, включая политические, может помочь двинуться по пути описания меры данной ответственности конкретных лиц и государственных институтов.

Идеальный советский аппарат

Эта тема тоже вытекает из штудий Д.Холловэя. Он пишет, что Берия работал с помощью мощного аппарата. В состав Спецкомитета по производству атомной бомбы вошли: обер-полицай Берия, партийный обер-чиновник (секретарь ЦК) Маленков, обер-плановик (председатель Госплана) Вознесенский, обер-оружейник Ванников, обер-строитель и главный тюремщик Завенягин и правительственный куратор Первухин. Из ученых в Спецкомитет вошли только Курчатов и Капица.

Таким образом, созданный для производства бомбы аппарат кардинально отличался от проекта академика Рождественского, который на мартовской сессии АН СССР 1936 г. предложил: связать разные области физики с соответствующими направлениями развития промышленности и создать аппарат по управлению этим процессом. Его предложение не получило поддержки. Вместо него возник прецедент *единства* репрессивного, партийного, планового, военно-промышленного и тюремно-строительного аппарата, в котором наука выполняла роль холуя.

Как сформулировать эту проблему? Шпионскую информацию получали только Курчатов и Харитон, которые использовали ее при конструировании бомбы. За исключением руководства «...ученые и инженеры, создававшие первую советскую атомную бомбу, не знали, что копируют американскую конструкцию»⁵⁶. Таким образом, *политическое и научное руководство проектом шло на сознательный плагиат*. Я показал, что эпигонство – родовое свой-

⁵⁶ Там же, с.189. Советский шпион Фуке помог проекту в двух направлениях: способствовал развертыванию проекта во время войны и передал детальное описание конструкции плутониевой бомбы. По мнению Д.Холловэя, разведка сэкономила Советскому Союзу 1-2 года. Там же, с.294

ство политической и идеологической бюрократии⁵⁷. Британский историк собрал материал, который позволяет утверждать: научно-техническая разведка и аппарат управления наукой в СССР закрепляет и усиливает это свойство. Не исключено, что разведчики рассматривают ученых как конкурентов, которые отнимают у них хлеб. Под таким углом зрения можно рассматривать деятельность советского правительства и всей системы внешнего и внутреннего шпионажа.

Возможность такого подхода вытекает из *отношения между учеными, военными и политиками*, которое сложилось в период создания бомбы. Предметом разногласий было положение ученых в обществе. Рассмотрим конкретные позиции.

В США на всем протяжении производства атомной и водородной бомб позиции ученых, военных и политиков противостояли друг другу. Например, Главный консультативный комитет на заседании 28-30 октября 1949 г. (в составе Д.Конанта, Э.Ферми, И.Раби, Р.Оппенгеймера) единодушно высказался *против* развертывания работ по созданию водородной бомбы. При этом ученые выдвинули технические, теоретические и экономические аргументы против бомбы (неясно, будет ли водородная бомба дешевле атомных бомб, если сравнить их разрушительную мощь с затратами?), а также моральные соображения (водородная бомба станет средством массового уничтожения гражданского населения).

Главный аргумент военных (члены Объединенного комитета начальников штабов) *за* производство бомбы состоял в возможности такого оружия у противника. Для выработки рекомендаций был учрежден комитет в составе Д.Ачесона (госсекретарь), Л.Джонсон (министр обороны) и Д.Лилиентала. На аргументы Оппенгеймера против производства бомбы Ачесон ответил: «Как вы можете убедить разоружиться противника-параноика посредством собственного примера?»⁵⁸. 31 января 1950 г. Трумен дал приказ о производстве, который поддержали конгресс и пресса.

Предложения американских ученых о запрете производства водородной бомбы исходили из *сочетания* научного понимания и моральной ответственности. Но нет советских источников, которые доказывали бы, что взгляды политиков и ученых СССР на значение водородной бомбы не совпадали. Взгляды Сахарова соответствовали взглядам Теллера (а не Оппенгеймера): «Никто из его коллег ... не думал иначе»⁵⁹. В отличие от американских ученых решение о разработке водородной бомбы рассматривалось советскими учеными как логический шаг и *не вызывало угрызений совести*.

Исключением из правил было поведение П.Л.Капица. В мае 1945 г. он стал Героем Социалистического Труда за создание жидкого кислорода для метал-

⁵⁷ См.: Макаренко В.П. Политическая бюрократия. Идеологическая бюрократия // Политология. Энциклопедический словарь. М., Publishers, 1993

⁵⁸ Холловэй Д. Указ.соч., с.392

⁵⁹ Там же, с.414

лургической и химической промышленности. Капица отстаивал позицию: наука должна занять место, аналогичное роли патриарха в допетровской Руси (когда церковь была носителем культуры). Согласно Капице, ученые должны быть идейными руководителями советского общества, фундаментом научного, экономического и политического прогресса. Капица предлагал поднять ученых до *патриарших* чинов. Только тогда они могут служить своей стране. Он раньше других понял, что ученых ставят в положение холуев. 3 октября 1945 г. он направил Сталину письмо, в котором просил освободить его из состава Спецкомитета и технического совета.

Сталин не ответил на это письмо. 25 ноября 1945 г. Капица опять пишет «корифею науки», предлагая более дешевый, быстрый и оригинальный путь создания бомбы за два года. Научная база должна быть усилена за счет улучшения благосостояния ученых, повышения уровня высшего образования, организации производства научных приборов. Политик должен выбрать один план и одного генерала, который его выполнит. Для этого требуется доверие между учеными и государственными деятелями. По наблюдениям Капицы к нему прислушивались, когда он возглавлял Главкислород: «Капица-администратор привлекал больше внимания, чем Капица-ученый с мировым именем»⁶⁰.

П.Л.Капица предлагал встретиться с Н.Бором, который уже раньше предлагал встречу советских и западных ученых для обсуждения последствий создания атомной бомбы⁶¹. Вместо Капицы Берия послал на встречу с Бором Т.-Терлецкого - научного советника «Отдела С» НКГБ: «Миссия Терлецкого свидетельствует об огромном недоверии со стороны Берии как к разведывательным данным, так и к тому, что говорили советские ученые»⁶².

Капица полагал, что секретность поставила ученых в абсурдное положение: «Вместо обмена своими достижениями с коллегами за рубежом они должны переоткрывать то, что уже открыто. Для мировой науки и техники это самый нездоровый путь развития»⁶³.

Не дождавшись решения этих проблем, 19 декабря 1945 г. Капица ушел из атомного проекта. По мнению Д.Холловэя, Капица отказался выполнять правительственное задание по созданию атомной бомбы из-за недопустимого отношения Берия к ученым. Его уход был мотивирован личными мотивами (неприятием отношения Берии к ученым и политики копирования американского пути), а не моральным и политическим сопротивлением созданию бомбы⁶⁴. По-

⁶⁰ Там же, с.191

⁶¹ Н.Бор был осведомлен о работах советских физиков. Видимо, это было причиной его усилий в 1944-1945 гг. против гонки ядерных вооружений. Там же, с.104

⁶² Там же, с.194

⁶³ Там же, с.195

⁶⁴ В июле 1952 г. Капица опять писал Сталину о бедственном состоянии советской науки. Ученые и политики осознавали отсталость советской науки и техники. В 1955 г. Капица писал уже Хрущеву: ученые боятся мыслить самостоятельно; после того как ученые начали получать высокую зарплату, наука привлекла людей, способных продвигаться только бюрократическими методами; они блокируют настоящих ученых и угрожают задуть науку; особенно вредно декретирование научной истины отделом науки ЦК; организация научной жизни должна основываться на мнениях, сформулированных в процессе открытой дискуссии. Там же, с.461-463

зицию Капицы спустя почти десять лет поддержал только Л.Ландау. Он согласился работать над ядерным проектом ради защиты от произвола, но считал, что эта работа отвлекает от настоящих исследований. Поэтому в 1954 г. (после смерти Сталина) он вышел из проекта: «Отношение Ландау было скорее исключением, чем нормой, и исхода ученых из проекта не последовало»⁶⁵.

Итак, Холловэй подменяет политическую проблему отношения между наукой и властью личными отношениями между конкретными людьми. Таков обычный либеральный стандарт при описании социальных явлений. Между тем тоже бывший ростовчанин А.Бовин (пробившийся в спичрайтеры в эпоху «уко-сыживания безбрежности») показал, что этот стереотип мышления (он называет его *допотопным*) – сведение политических проблем «к разного рода козням, интригам, проискам» имеет институциональное воплощение: типичен для нынешних сотрудников КГБ и ГРУ⁶⁶. Опять «странные сближения»...

Курчатов, Сахаров и прочие занимали другую позицию: верили в правоту своего дела независимо от мыслей о сталинском режиме и политике. Например, в марте 1948 г. в речи при начале сборки реактора в Челябинске-40 Курчатов утверждал: «Город наш тогда станет памятником миру»⁶⁷. Курчатов подписывал письма и меморандумы «солдат Курчатов». Катастрофическое положение страны после войны не остановило Сталина: он приказал Курчатову организовать проект с русским размахом. Командная экономика была создана для удовлетворения запросов вождей любой ценой, а никакие иные потребности в расчет не принимались.

После взрыва атомной советской бомбы вождь, члены его клики и подручные ученые возрадовались и возвеселились⁶⁸. И тут же начали делать водородную бомбу в духе соперничества с США. Фукс говорил, что в 1947 г. советская разведка просила его передавать любую информацию о «тритиевой бомбе». Группа Зельдовича пользовалась развединформацией из США. Сахаров незадолго до смерти (в 1989 г.) сказал: создание водородной бомбы оправдано, несмотря на то, что ученые давали оружие в руки Сталина-Берия: «Тут интерес вызывала грандиозность проблем, возможность показать, на что ты сам способен – в первую очередь, самому себе показать»⁶⁹.

Экономист Е.С.Варга тоже написал записку в ЦК, в которой утверждал: буржуазия в результате двух мировых войн усвоила, что они заканчиваются ре-

⁶⁵ Там же, с.383

⁶⁶ См.: Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.292

⁶⁷ Холловэй Д. Указ.соч., с.249. Интересно, думают ли сегодня жители Челябинска о том, что они служат «памятником миру»?

⁶⁸ 29 октября 1949 г. Совмин принял подготовленное Берией секретное постановление: кого могли расстрелять при неудаче – стал Гертрудой (Курчатов, Харитон, Щелкин, Зельдович, Флеров, Садовский, Духов, Алферов, Доллежал, Бочвар, Виноградов, Хлопин, Ванников, Завенягин, Первухин, Музруков, Зернов, Славский), кому грозил большой срок – получил орден Ленина и т.д. Н.Риль - единственный немец-Гертруда за работу по обогащению урана и получению металлического урана. Их детям было дано право получить образование за казенный кошт в любом вузе, право бесплатного проезда для себя и членов семьи, дачи.

⁶⁹ Там же, с.388

волюциями; империалистический лагерь превратился в единый военный союз; заинтересованность буржуазии в защите от социализма сильнее ее внутренних противоречий; крайне трудно вообразить конкретно новую войну между империалистами. Отсюда вытекала ложность тезиса Ленина о неизбежности войн, в том числе между капитализмом и социализмом. Сталин написал «Экономические проблемы социализма в СССР» для опровержения Варги. Он полагал, что Советскому Союзу надо быть готовым к войне. Поскольку движение за мир не может устранить войну в принципе, СССР не должен ослаблять военную мощь. Пока существует империализм, война неизбежна.

Какова же оценка Д.Холловэем позиций советских физиков и экономистов? По его мнению, письмо Капицы подняло два ключевых вопроса:

1. Был ли у СССР более дешевый и быстрый путь к бомбе, на чем настаивал Капица? На этот вопрос Холловэй отвечает так: «Неясно, что он (П.Капица, - В.М.) имел в виду и имел ли он в виду вообще что-либо конкретное... Имело смысл прежде всего использовать разведывательную информацию о *проекте Манхеттен*, а не искать альтернативный, собственный путь ее создания»⁷⁰. Значит, автор высказывается в пользу советского атомного шпионажа. Здесь, на мой взгляд, и зарыта собака: заимствование уже изобретенных конструкций ставило СССР в положение эпигона и, тем самым, избавляло англичан и американцев от конкуренции. Как говорит мой друг-физик: «После атомного проекта мы до сих пор смотрим в ж... Америке!»

2. Какова была роль ученых в управлении атомным проектом? По мнению автора, назначение *научных комиссаров* позволило обеспечить грамотные действия официальных лиц. Он считает, что Курчатов как раз и был *научным комиссаром* при Берии и Ванникове. Научные советники и политическое руководство эффективно сотрудничали. В свою очередь, Курчатов, Харитон и Сахаров считали Берию способным администратором. Однако могли ли научные комиссары сместить командира и даже расстрелять его, как это было на фронтах гражданской войны и советско-германской – в первый период? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы убедиться в далеко не безобидной межеумочности Д.Холловэя.

На деле большинство уцелевших в репрессиях ученых *не отвергало* допустимость руководства наукой со стороны политических и военно-полицейских структур. К этой точке зрения примыкает и автор. По сути, он дезавуирует позицию Капицы, но в соответствии с либеральным шаблоном пишет: награды указывали на смену отношения режима к науке, но не принесли ей пользы. Прав был Капица: если ученые получают награды, наука становится центром притяжения для далеко не лучших людей. Как же относиться к людям, стремящимся к наградам?

А.И.Солженицын заметил: «Сопrotивление русского населения большевикам (без чего мы не имели бы вообще права звать себя народом) – споткнулось,

⁷⁰ Там же, с.192

свернуло с пути во многих отношениях»⁷¹. Означает ли это, что награды ученым от советской власти блокировали становление русского народа, но способствовали формированию внутри него особой группы? Видимо, на этот вопрос, смог бы ответить только бывший ростовчанин, а теперь покойный «властитель дум»⁷²...

Первая советская атомная бомба - копия американской, зато водородная бомба была оригинальным проектом (хотя украдена у англичан). Она была взорвана 12 августа 1953 г. Опять последовала серия наград. Гертрудами стали Сахаров, Зельдович, Тамм⁷³, Курчатов, Харитон, Александров, Константинов, Духов, Ванников, Алиханов, Ландау и Щелкин. Из них 7 избраны академиками, 2 – член-корреспондентами АН СССР, которая окончательно стала элементом ВПК.

В главе «Россия после Сталина» автор отмечает, что Берия был низвергнут потому, что другие члены сталинской клики опасались: он может использовать атомную бомбу в случае государственного переворота. Но на других постах остались те же люди. В период 1949-1955 гг. СССР взорвал 19 бомб с тротильным эквивалентом от 20 килотонн до 1,6 млн. тонн⁷⁴. По мнению Холловэя, только при Хрущеве и в последующие годы позиция советского руководства стала *шизофренической*: «Признание разрушительных последствий ядерной войны, представляющих равную опасность как для Советского Союза, так и для Запада, и официальная точка зрения на то, что эта война означала бы конец капитализма»⁷⁵.

Примечательно, что политику Сталина и ее непосредственное воплощение в деятельности аппарата МВД-МГБ автор исключает из предпосылок шизофрении, возлагая ответственность только на Н.С.Хрущева. Здесь его позиция *совпадает* с политикой редколлегии «Военно-исторического журнала» и подобных ей российских «ястребов» из числа публицистов, ученых и политиков⁷⁶.

В сентябре 1953 г. генерал-майор Н.Таленский (редактор журнала «Военная мысль») опубликовал статью «К вопросу о характере законов военной науки». В ней утверждались prerogatives военных: главный предмет военной науки - вооруженный конфликт (сфера действия военных), а не политический характер войны (сфера действия политиков и идеологов). После назначения Жукова министром обороны (февраль 1955 г.) военные начали пересмотр историографии войны и возложили на одного Сталина ответственность за поражения и

⁷¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе. Часть 2. М., Русский путь, 2002, с.158

⁷² См.: Островский А.В. Солженицын. Прощание с мифом. Москва, Яуза, Пресском, 2004

⁷³ В ответ физики МГУ написали телегу в ЦК на Тамма, обвиняя его в политической неблагонадежности, бесполезности в физике, меньшевизме, общении с предателями и шпионами. Но политические инсинуации не помогли.

⁷⁴ Там же, с.419

⁷⁵ Там же, с.441

⁷⁶ См., например: Русская доктрина (Сергиевский проект). Под ред. А.Б.Кобякова и В.В.Аверьянова. М., Яуза-пресс, 2007

собственную бездарность. Эта оценка существует до сих пор, а ее пересмотр вызывает противодействие.

Я же отмечу: полемика о переоценке роли военных и политиков в советско-германской войне ведется до сих пор, и конца ей не видно; между тем более значимая проблема - как снять монополию военных, чекистов и политиков на изображение истории России и СССР? – почти не обсуждается.

Разумеется, английского ученого эта проблема не касается. Он считает, что успех ядерного проекта создал советской науке огромный престиж за рубежом и дома. Сталин и Берия презирали ученых, но разработка атомной и водородной бомб позволила ученым занять новое место в рамках режима. В итоге исследования в области управляемого термоядерного синтеза пошли в военном направлении. В СССР и США они рассматривались как естественный элемент усилий по созданию термоядерного оружия.

Хрущев в середине 1950-х гг. начал возить с собой Курчатова в другие страны как члена делегации. Однако певец кукурузы брал в поездки только представителей военно-промышленного комплекса, а штатскими учеными пренебрегал. В мемуарах Хрущев пишет, что у него были три цели: поднять престиж советской делегации; помочь установить контакты с западными учеными; продемонстрировать полное доверие к советской интеллигенции. Английский переводчик Макинтош писал в одной из своих статей, что Курчатов и Туполев радуются популярности, престижу и считают себя нужными стране. В частном разговоре Курчатов сказал: «Концепция о преодолении наукой всех границ в настоящий момент неприемлема. Прежде всего он был русским, а потом - ученым»⁷⁷. В ответ на этот пассаж поставлю вопрос: как бы советские вожди отнеслись к визиту Гитлера, который возил бы с собой ученых типа Й. Менгеле? Ведь они тоже были нужны своей стране...

Автор проводит параллель между Курчатовым и Иоффе. Оба считали: наука должна служить советскому государству, хотя является интернациональной; много сделали для восстановления разрушенных связей с Западом. Иначе говоря, ученые начали высказывать точку зрения политиков (в данном случае Сталина).

В конечном счете, по мнению Д. Холловэя, Сталин направил Советский Союз на путь милитаризации, с которого его преемники уже не смогли сойти. Составные части милитаризации - командная экономика, военная промышленность (включая ядерный и ракетный комплексы) и огромный офицерский корпус. Они создали сильную внутреннюю динамику после Сталина во внешней и оборонной политике⁷⁸. Изменения в американской политике того времени не

⁷⁷ Там же, с.469. Здесь вспоминается эпиграмма И.Сельвинского на А.Безыменского:

«Я, - говорит, - сперва партиец,

А стихотворец потом!»

Ждали мы этого «потом» лет тридцать –

И успокоились на том.

С этой точки зрения позиции Безыменского и Курчатова аналогичны.

⁷⁸ Там же, с.478

смогли бы вызвать сдвиги в советской экономике. Никакой реальной возможности избежать разработки термоядерного оружия не было, поскольку Сталин оставил бы без ответа американское самоограничение. Все попытки представить альтернативное развитие послевоенных международных отношений рассыпаются при учете личности Сталина. Никогда зависимость политики от личности не была так велика, как в период Сталина. И все же автор считает, что разработчики бомбы проявили интеллектуальную общность и гражданское мужество⁷⁹.

Нетрудно заметить противоречие в такой позиции: с одной стороны, военно-промышленный комплекс рассматривается как главный виновник послесталинской политики СССР (до 1990-х гг.); с другой стороны, ученые исключаются из числа виновников, хотя они были составной частью ВПК. Значит, английский историк науки разделяет стереотипы «культы личности», включая советскую диалектику и представление о безальтернативной истории.

Для дистанцирования от данных стереотипов и оценки советского атомного проекта у меня есть два предложения.

Во-первых, использовать концепт техно-якобинства, сформулированный И.С.Дмитриевым при описании взаимодействия между наукой и властью в революционной Франции и в период Наполеона. Его ученые холуи были убеждены: процветание страны невозможно без подчинения науки государству и обосновывали марьяж интеллектуалов и политиков. Так появился тип *техно-якобинца* – солдата партии с научно-техническими познаниями. Фактически этот сброд (в смысле - сборище случайных людей) образовал замкнутый круг лиц, связанных отношениями патронажа и родства. Сам факт привлечения ученых для выполнения правительственных задач существовал при старом режиме. Но раньше ученые не имели *властных* полномочий. Революция открыла им дорогу в мир политики. Многие заняли государственные посты. Это повышало их социально-политический статус, но одновременно ставило проблемы политического выбора и ответственности.

Техно-якобинцы подписывали смертные приговоры коллегам. А после Термидора начали скулить: мы, люди науки, рядовые солдаты партии; находясь у власти (т.е. у государственного корыта), выполняли гражданский долг; поэтому не отвечаем за ошибки и преступления главарей. А бывшие главари бубнили: мы выполняли волю народа и его лучших представителей - людей науки; поэтому ни в чем не виноваты. Эта схема мысли и поведения популярна до сих пор. Порочный круг единства народа и главарей пока не удалось разорвать⁸⁰.

Именно во время французской революции Карно выдвинул идею: народ может ошибаться, но не может быть виновным; каждая политическая мера законна, если ее требует безопасность государства. На основе критерия *госбезопасности* выдвигался тезис о политической нейтральности науки и техники,

⁷⁹ Там же, с.480

⁸⁰ См.: «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки». Редактор-составитель Э.И.Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003, гл.3

включая подписание смертных приговоров: «Будучи человеком системы, ученый и инженер, попавший во власть, становится частью государственной машины и подчиняется *raison d'état*»⁸¹.

Во-вторых, среди золотарей существует иерархия профессий «черполея» (он непосредственно черпает дерьмо) и «на подхвате» (он тащит вверх ведро с дерьмом). И тот, кто «на подхвате», уронил ведро с дерьмом. Естественно, оно обрушилось на черполея. Тот кричит: - Эх, Ванька, век тебе черполеем не быть, всю жизнь будешь на подхвате!.. Предлагаю перечитать книгу Д.Холловэя, чтобы глубже узнать: к какой позиции примыкает автор?

На мой взгляд, к общей оценке концепции Д.Холловэя приложима также констатация Г.Флоровского относительно другого духовно-политического феномена XX века: «В евразийстве оживает пресловутое змеиное положение о разумности действительности и действительности разумного»⁸². Как хорошо известно, сегодня даже кабаки называются «Евразия». Однако не только геополитика, но и история науки могут служить гадюшником...

Когнитивная альтернатива

Видимо, главная причина в том, что Д.Холловэй при описании советского атомного проекта руководствуется стереотипами англо-американской советологии. Она заимствовала свой идейный арсенал не только из стереотипов советской политики, идеологии и пропаганды, но и у сил, потерпевших поражение в гражданской войне в России. В частности, К.Шлегель показал, что «Смена вех», евразийцы и младороссы были идеологической разновидностью операции «Трест»: хотели поставить потенциал эмиграции на службу Советской России и призывали к возвращению в СССР; издавали на советские деньги в Европе газеты; толковали русскую революцию как творческий процесс, в ходе которого на почве России – по ту сторону Востока и Запада – должен сложиться новый синтез; признавали большевизм исконно русским явлением; видели в Советском Союзе не представителя большевистской мировой революции, а Российскую империю; сформулировали идеи корпоративизма, третьего пути между либерализмом и большевизмом, национализма⁸³. Все эти идеи были реанимированы в постсоветское время (вплоть до речей В.В.Путина, идеологии и практики «Единой России»)⁸⁴. Что еще раз доказывает тотальное эпигонство постсоветских политических и идеологических структур.

Генезис и многообразные когнитивно-политические и институциональные следствия указанного эпигонства – особый предмет исследования. Здесь я толь-

⁸¹ Наука и кризисы., с.219

⁸² Флоровский Г.Ф. Евразийский соблазн // Мир России – Евразия. Антология. Сост. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. М., Высшая школа, 1995, с.358

⁸³ См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945). М., Новое литературное обозрение, 2004, с.158-159

⁸⁴ См., например: Суверенитет. Составитель Н.Гараджа. М., «Европа»

ко отмечу, что для описания специфики проявления данного шаблона в американской экономической науке, деятельности и мышлении ЦРУ-КГБ, а также по аналогии с педерастией И.Бирман ввел термин «советоложество»⁸⁵. Сходные суждения высказывает М.Кастельс⁸⁶. Я предлагаю несколько дополнений к этому подходу.

В ранее опубликованных работах я показал, что огосударствление средств производства не ведет автоматически к ликвидации эксплуатации, а, наоборот, в конкретно-исторических обстоятельствах становления и укрепления советской власти увеличивает эксплуатацию⁸⁷. Советское государство было совокупным эксплуататором природных и человеческих ресурсов страны. Исайя Берлин детально аргументировал тезис: в СССР развились две формы эксплуатации: *экономическая*, в которой эксплуататором выступало государство - те, кто контролирует аппарат принуждения и власти. Причем, в СССР экономическая эксплуатация осуществлялась в «чистом виде», в лабораторных условиях, немислимых на Западе; *идеологическая*, которую осуществляли поддерживаемые властью интеллектуалы - лакеи правящей клики. Их продукция (идеология, литература и искусство, философия и социогуманитарные науки) есть «опиум для народа». Поэтому советское общество нельзя считать цивилизованным в обычном смысле слова: «Мы имеем дело с таким случаем, когда нет ничего менее успешного, чем сам успех»⁸⁸. В отличие от Д.Холловэя я предлагаю рассматривать советский атомный проект как практическое воплощение экономической и идеологической эксплуатации, в которой наука выполняла роль средства.

Но не только. Уместно напомнить, что в XX в. состоялось две мировых войны, в результате которых было уничтожено 50 млн. человек. На протяжении второй половины века велась интенсивная подготовка к третьей мировой войне. Во многих странах мира произошли революции и гражданские войны, в результате которых на протяжении XX века прокатилось 4 волны диктатур: первая (после первой мировой войны) охватила Россию, Италию, Болгарию и Румынию; вторая (после мирового экономического кризиса 1928-1930 гг.) захлестнула СССР, Германию, Австрию, Венгрию, Польшу, Румынию, Чехословакию, Прибалтийские государства, Португалию и Испанию; третья (после второй мировой войны) охватила все европейские и азиатские страны социалистического блока; четвертая началась в 1950-е гг. и наряду со странами Варшавского договора охватила Парагвай, Гаити, Никарагуа, Кубу. Во всех указанных странах насилие государства над населением играло главную роль. Последствия такого положения вещей ощущаются до сих пор и влияют на международную ситуацию в XXI веке⁸⁹.

⁸⁵ См.: Бирман И. Я – экономист. М., Время, 2001, гл.13, 14

⁸⁶ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000, гл.8

⁸⁷ См.: Макаренко В.П. Марксизм, идея и власть. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, с.243-245

⁸⁸ См.: Берлин И. История свободы. Россия. М., НЛО, 2001, с.365

⁸⁹ См.: Драганов М. XX век: волны диктатур // Философские науки. 1991, № 2, с.38-48

Советская Россия - «образец» использования массового насилия как средства государственного управления. Применение этого средства в разных странах привело к уничтожению 95 млн. человек⁹⁰. Впервые в истории число жертв социальных преобразований превысило число жертв мировых войн: «СССР стоит на первом месте по логике, продуманности и последовательности в осуществлении насилия. На втором месте стоит Камбоджа, в которой за 3,5 года было уничтожено посредством пыток и голода ¼ часть населения страны. Третье место занимает Китай по абсолютному числу жертв»⁹¹.

Приведенные цифры и констатации (в том числе изложенные в книге Д.Холловэя) позволяют сделать вывод: советский атомный проект – существенный элемент политического насилия, которое переплелось с экономической и идеологической эксплуатацией. Показательно, что Д.Холловэй считает опасным делом обсуждение моральных аспектов производства советского атомного оружия. Здесь его точка зрения совпадает с мнением большинства участников данного процесса, мнения которых преобладают в литературе, посвященной вопросу. Между тем существуют иные подходы к анализу проблемы о соотношении науки и военно-промышленного комплекса, а также влияния атомного проекта на последующее развитие событий.

С сорокалетним запозданием в России опубликован классический труд Фрица Рингера «Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1893-1933». В нем показано, как идеология большинства немецких ученых (от физиков до философов и социологов) эволюционировала в сторону обслуживания фашистского государства. Д.Александров на основе данного труда ввел концепт «советских мандаринов» для описания принципиального сходства социальных позиций немецких и советских ученых: «В советской системе ... профессора, а тем более члены Академии наук, не просто получали жалованье и многочисленные привилегии от государства, они чувствовали, что служат своей стране и ее культуре, а сам их *тесный симбиоз с государством был выведен за пределы их сознания*»⁹² (курсив мой, В.М). Вряд ли английский историк науки не знал о существовании этого труда. Сам факт пренебрежения выводами данной работы свидетельствует, что для Холловэя данной проблемы не существует.

Между тем концепт «советских мандаринов» уже в значительной мере использован в капитальном труде петербургских ученых, в котором описаны главные модели связи науки с государством⁹³. В Англии возникла колониально-

⁹⁰ В СССР было уничтожено 20 млн., в Китае 65 млн., в Северной Корее 2 млн., во Вьетнаме 1 млн., в Камбодже 2 млн., в Восточной Европе 1 млн., в Латинской Америке 150 тыс., в Африке 1,7 млн., в Афганистане 1,5 млн., в мировом коммунистическом движении 10 тыс. человек. См.: Куртуа С., Верг Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1999, с.37

⁹¹ Куртуа С. и др. Указ.соч., с.37

⁹² См.: Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., НЛО, 2008, с.630

⁹³ См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И.Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003

имперская модель, во Франции – революционно-бюрократическая, в России – самодержавно-бюрократическая модель связи науки и власти⁹⁴. С институциональной точки зрения, а также в контексте исследований взаимосвязи между культурой и империализмом⁹⁵ советскую науку можно рассматривать как воплощение английских колониально-имперских, французских революционно-бюрократических (техно-якобинских) и российских самодержавно-бюрократических интересов и амбиций власти и ученых. Атомный проект послужил основным средством такого воплощения.

Вполне понятно, что у атомного проекта были, есть и будут наследники. Их невозможно обойти вниманием. В частности, Х.Гастертон - профессор антропологии и исследований науки Массачусетского технологического института (США)⁹⁶ – описал результаты этнографического исследования, которое было проведено в 1987-1990 гг. в Лоуренсовской национальной лаборатории в Ливерморе – одной из двух лабораторий в США, где в период «холодной войны» разрабатывалось ядерное оружие⁹⁷. Их сотрудники испытывали научные, политические и стратегические сомнения в отношении СОИ. Считали неразумным выделение больших средств на проекты, чреватые политическими конфликтами, при недоказанности их технического воплощения.

Раньше антропологи изучали общества «третьего мира», бедные, малообразованные, лишенные власти группы населения, этнические меньшинства европейских стран и США. Теперь в центре внимания оказались привилегированные группы ученых – разработчиков ядерного оружия. Главная цель исследования состояла в изучении политики, культуры и психологии группы ученых, а не анализ развития области знания, которое до сих пор составляет государственную тайну. Сообразно цели формулировались конкретные вопросы: какого типа люди становились разработчиками ядерного оружия? как они представляли себе смысл своей работы? какое значение они отводили своей работе в рамках глобальной системы международных отношений? Причем, политика, культура и психология разработчиков оружия изучалась параллельно с анализом политики, культуры и психологии активистов антиядерного движения, которые в 1980-е гг. пытались положить конец работам лаборатории.

Стратегия исследования Х.Гастертонна состояла в следующем: 1. Он следил за жизнью лаборатории по публикациям в семи местных газетах, каждая из которых давала критические публикации о лаборатории. 2. Будучи гражданином Англии, переселился в Ливермор, который в отличие от российских закрытых

⁹⁴ См. об этом подробно: Макаренко В.П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005, № 6; Он же. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. Научные доклады высшей школы. 2006, № 2;

⁹⁵ См.: Edward W.Said. Culture and Imperialism. New York, Alfred A.Knopf, Inc. 1993

⁹⁶ См.: Гастертон Х. Ливермор глазами антрополога // ВИЕТ. 1995, № 2, с.88-105

⁹⁷ В этой лаборатории было разработано 18 видов ядерного оружия, в том числе нейтронная бомба, боеголовки для «Минитменов», «Посейдонов» и крылатых ракет, работали над созданием орудий космического базирования, вели исследования в области генетики, медицинской биологии, новых технологий очищения окружающей среды, парниковым эффектом и вопросами контроля над вооружениями.

городов является открытым городом, где могут жить и работать иностранцы. Он знакомился, встречался и беседовал с местными жителями. 3. Ходил на собрания антиядерных групп, в том числе на закрытые для публики собрания руководителей антиядерного движения, присутствовал на акциях протеста у стен лаборатории и на Невадском ядерном испытательном полигоне для документирования. 4. Проводил интервью с разработчиками оружия и участниками групп протеста.

В интервью с учеными-оружейниками Хастертон сосредоточивал внимание на этических проблемах, связанных с созданием оружия, и смыслах, вкладываемых ими в ядерные испытания. Ввиду секретности работы ученых-оружейников, а также, чтобы не заподозрили в шпионаже в интересах другой державы, он не задавал вопросы о технической стороне работы. В интервью с активистами антиядерного движения он сосредоточивался на том, как они оценивают ядерные испытания, эффективность собственных действий и их личные полномочия⁹⁸.

Теперь кратко о главных результатах исследования, которые включают анализ социального состава и методов подбора персонала в лабораторию, этических аспектов разработки ядерного оружия и перспектив военно-промышленного комплекса.

В 1980-е гг. типичный ученый-разработчик ядерного оружия в Ливерморе был: белокожим мужчиной; происходил из низов среднего класса или рабочего класса; первым в своей семье получил высшее образование; оно было средством восхождения по социальной лестнице; обеспеченные семьи не направляли своих детей в сферы, связанные с разработкой оружия. 75% относились к практикующим христианам, из них 20% католики. Это отражает социальное происхождение большинства ученых лаборатории (католики преобладают на нижних ступенях американской классовой системы).

Активисты антиядерного движения обычно принадлежали к среднему классу и состоятельным семьям. Этот факт согласуется с теориями политической социологии, согласно которым руководители новых социальных движений (за мир, охрану среды) принадлежат к радикализированным слоям буржуазии, особенно к группам, имеющим гуманитарное и социальное, а не естественное образование.

Большинство ученых оказалось приверженцами политического либерализма. Этот результат фиксирует двойственность ученых: республиканцы поддерживали разработку ядерных вооружений сильнее, чем демократы; ученые предпочитали обсуждать вопросы, связанные с ядерным оружием, в терминах прагматизма и рационализма, а не на языке политической идеологии. «Для них гонка вооружений была не столько откровенно политическим, сколько технократи-

⁹⁸ Было охвачено 64 сотрудника лаборатории и их 23 супруги, 48 активистов антиядерного движения, 8 местных попов, 5 журналистов, 3 бывших мэра и 5 психотерапевтов, консультировавших сотрудников Лаборатории.

ческим проектом, в работе над которым могли сотрудничать ученые, симпатизирующие разным партиям»⁹⁹.

Обычно после окончания университетов американские ученые и инженеры стремятся к двум целям: найти способ зарабатывать на жизнь; по-прежнему наслаждаться духом свободы и интеллектуального кипения университетских лет. Но это происходит «уже в контексте общества, где научная деятельность в значительной степени подчинена интересам военного ведомства и больших корпораций»¹⁰⁰.

В основном по военным проектам работают математики, физики, инженеры авиационного и космического профиля, инженеры-электрики и инженеры-механики. Но многие университетские физики утверждали, что к 1980-м гг. работа над ядерным оружием стала неинтересной в научном плане, став (по словам одного профессора) «примерно такой же захватывающей, как разработка новой зубной щетки». Большинство сотрудников лаборатории не считало национальную безопасность и патриотизм главными мотивами поступления в лаборатории, а шло на работу «ради физики». На деле новичок мог зарабатывать на 15 тыс.долл. в год больше, чем младший преподавательский состав в университете. Лаборатория могла представить возможность вести фундаментальные исследования, в отличие от частной индустрии, где большинство ученых занимаются изучением сбыта и технических вопросов.

Большинство сотрудников лаборатории не считали также идеологию и зарплату решающей причиной поступления на работу. Причиной они указывали антипатию к университетским департаментам и индустриальным корпорациям, приветливую атмосферу лаборатории, интересные научные задачи и хорошее оборудование. Изображали лабораторию как учреждение, обладающее преимуществами университета, но лишенное его недостатков. Тем более что в плане ограничения свободы университет все более напоминает военное ведомство (университетский принцип «печатайся или погибай» и вытекающая из него иерархия). Они находили работу стимулирующей и захватывающей, поскольку имели доступ к дорогому, сверхсовременному оборудованию (суперкомпьютерам, лазерам, спектрометрам и т.д.). Один ученый назвал все это «абсолютный магазин игрушек».

В лаборатории разрабатывалось оружие, которое могло убить сотни миллионов людей и уничтожить всю человеческую цивилизацию. Это ставило серьезные моральные проблемы.

На Западе развиты два направления в обсуждении моральных проблем, порожденных ядерным оружием:

1. Деонтология руководствуется принципом «дурных намерений»: плохо намереваться или угрожать сделать то, чего не подобает делать. Отсюда выте-

⁹⁹ Гастерсон Х. Указ.соч., с.95

¹⁰⁰ Там же, с.95

кает, что не следует совершать зло ради достижения добра. Это относится к разработке и угрозе применения ядерного оружия ради предотвращения войны.

2. Консеквенциалисты утверждают: о действиях надо судить по последствиям, а не по чистоте средств. Если в системе взаимного устрашения угроза превратить миллионы мирных жителей в пепел предотвращают это, то угрожать нравственно и безнравственно не прибегать к таким угрозам.

Все ученые-оружейники Ливерморской лаборатории почти без исключения были консеквенциалистами. Активисты антиядерного движения и критики лаборатории считали, что ее сотрудники никогда не утруждали себя раздумьями о моральной стороне их работы. Большинство ученых-оружейников чувствовали себя глубоко оскорбленными этими нападками и настаивали на том, что они просто имеют иные этические взгляды, чем их критики, но не лишены таковых.

Каков же процесс, который позволяет ученым-оружейникам привыкнуть к работе по созданию ядерного оружия? 1. Большинство размышляло об этических проблемах, но приватно, а не в форме дискуссии с коллегами или членами семьи. Причем, каждый считал себя исключением в том смысле, что только он об этом размышлял. 2. Размышление шло в глухом одиночестве: оружейники полагают, что другие люди не задумывались об обосновании разработки оружия в той же мере, в какой они задумывались об этом сами. 3. Основа этого процесса – социализированный индивидуализм и коллективный уход в приватность. Существует общее представление, что этические вопросы работы над оружием следует продумывать в одиночку.

Один администратор, работавший в лаборатории с момента ее основания (1952 г.) не мог припомнить, чтобы во время интервьюирования кандидаты высказывали сомнения в работе над ядерным оружием. Причем, он сам задавал вопрос о готовности к работе в форме, которая делала более вероятным ответ «да» вместо того, чтобы побудить их основательно подумать о том, где они проведут свои собственные моральные границы. Он хотел, чтобы интерес к физике перевесил их естественную антипатию к работе над оружием.

Интервью – важный порог в общественном производстве идентичности новичка как ученого-оружейника: это момент, когда он явно или неявно соглашается присоединиться к моральному сообществу ученых-оружейников. С этого момента он включены в процесс самоопределения, выйти из которого можно, но трудно.

По мере того как ученые-оружейники социально и идеологически матеруют, у них развивается твердая приверженность Центральной Аксиоме Лабораторной Жизни: Лаборатория разрабатывает ядерное оружие, чтобы обеспечить в мире, стабилизированном ядерным устрашением, гарантию того, что ядерное оружие никогда не будет пущено в ход. Отсюда вытекает моральная схоластика: большинство считают, что работа над ядерным оружием (которое на деле есть средство геноцида) более этична, чем работа над обычным оружием; не за-

ниматься созданием ядерного оружия в своей стране (ставя собственное население под угрозу хищнического нападения) не менее сомнительно в моральном плане; уверенность до мозга костей, что стратегия ядерного устрашения не даст сбой.

Таким образом, ученые-оружейники находят разные способы примириться со своей профессией, однако лишь в редких случаях прибегают к открытому обсуждению с коллегами. Все они считали, что ядерное устрашение – здоровая, жизнеспособная стратегия в период холодной войны, лучший способ поддержания стабильности и предотвращения третьей мировой войны. Поэтому возражали против прекращения ядерных испытаний после ее окончания.

В начале 1990-х гг. в Лаборатории было свернуто наполовину финансирование, многие вышли на пенсию, 1000 сотрудников ушло, моральный дух упал, люди боятся лишиться работы. Но больше всего сотрудники Лаборатории жалуются на то, что у них нет ясного ощущения своей миссии, представления о своем будущем предназначении в новом мире, начало которому было положено окончанием «холодной войны». До тех пор, пока облик мира не станет более отчетливым, будущее Лаборатории обречено на неясность.

Таким образом, все стереотипы мышления Д.Холловэя воспроизводятся в военно-промышленном комплексе США. Для оценки современных наследников Сахарова и анализа военно-промышленного комплекса современной России позиция П.Л.Капицы остается по-прежнему актуальной. Ее можно дополнить выводами Х.Гастертонна, с соответствующей модификацией. Например, Д.Холловэй считает, что советский режим поддерживал науку, одновременно разрушая научные дисциплины. И все же наука и техника влияли на советскую идеологию, организацию и политику. По его мнению, русские интеллектуалы до и после Октябрьской революции считали науку силой, работающей на рациональность и демократию. Однако этот шаблон спорен даже на основании фактов, которые приводятся в его книге.